Глава 6.1 - Тихое наступление и отступление (1)

Сегодня была пятница.

После этих выходных осталось девять недель. Шестьдесят три дня.

Целую неделю шел дождь, и классные комнаты были сырыми и холодными.

Она сцепила руки, чтобы согреться, а затем начала копировать записи Гу Пиншена на доске.

Гу Пиншен очень красиво писал на доске. Когда она училась в начальной школе, она интенсивно практиковала свою каллиграфию, и она знала, что он писал тонким золотым скриптом. В то время она чувствовала только, что этот скрипт был свободным и безудержным и обладал собственным типом очарования.

"Те, кто любит писать этим типом скрипта, обычно являются людьми, которые склонны показывать свои способности демонстративно". Ее учительница по каллиграфии однажды заявила об этом.

Но он никоим образом не мог быть связан с идеей "показом своих способностей демонстративно".

В этот момент его правая рука была в кармане брюк, а его левая рука слабо хватала белый мел, плавно выписывая ряд китайских иероглифов, используя английский, чтобы дать представление для сегодняшнего занятия.

Гу Пиншен был единственным учителем в этом семестре, который был готов преподавать свой курс как двуязычный. Даже те учителя, которые вернулись из Японии до сих пор сохранили в письменном виде свои записи на доске вне практики английского языка.

Фактически, когда университет поступали студенты после вступительных экзаменов в колледж, особое внимание и важность были уделены их занятиям на английском языке. В конце второго года в их классе было всего трое человек, которые еще не прошли тесты CET-6 в Англии. Ему не прихошлось бы столкнуться с неприятностыми из-за них. Но, в этих маленьких, незначительных деталях, он все равно всегда ставил тщательную мысль и соображение.

"Лю Ии". Закончив вступительные слова по сегодняшнему занятию, обернулся, чтобы посмотреть на префекта класса. "Где Шень Яо?"

Префект класса задыхался от ответа в течение долгого времени и повернулся к Тон Янь. Те девушки с общежития Тон Янь были все эксперты, играющие на крючках. В основном по пятницам их не бывало. Кто знал, куда они пошли сегодня?

"Учитель Гу, у Шень Яо репетиция со школьным оркестром и она просила дать отпуск по сегодняшнему занятию", Тон Янь подпряталась.

"А как насчет Ван Сяору?" Голос Гу Пиншена был очень нейтральным.

"Ван Сяору ... что-то внезапно появилось в ее семье, она также получила отпуск".

Его глаза оглядели класс, как-будто, быстро различая тех, кто просто сидел, чтобы слушать, и тех, кто действительно принадлежал к этому классу.

"Вэнь Цзинцзин тоже не пришла?" Его взгляд снова был на ней. На этот раз даже студенты, которые просто сидели в классе, начали шепотом обсуждать это.

Тон Янь схватила перо, даже не в состоянии избежать его взгляда. Она была единственной из ее комнаты в общежитии, которая пришла на занятия, но она была тем, кто стал объектом нападения ...

Ей казалось, что ее щеки немного разогрелись. "Вэнь Цзинцзин больна". Она действительно хотела подчеркнуть, что это была правда, и она была действительно больна.

"В следующий понедельник, они трое пусть отправятся в администрацию и зайдут в мой кабинет". Его тон оставался невозмутимым.

Сердце Тон Янь упало. О, человек, на этот раз они были в беде.

После урока классный префект, который также вспыхнул в холодном поту испуга, подошел и сказал Тон Янь: "Даже кролик кусается, когда он загнан в угол. Учителя Гу уже можно считать действительно добрым, и ваше общежитие все же смогло вызвать его гнев".

Префект класса размахивал учебником в руке и почти ударил Гу Пиншена, который проходил мимо.

Гу Пиншен лишь слегка приподнял руку, чтобы заблокировать входящую книгу, но Префект класса был в разгаре, и он тут же взмахнул головой и закричал: "Собрание в классе, сейчас!" И затем классная комната погрузилась в полную тишину.

Те, кто только сидел в классе, застыли в шоке, прежде чем быстро схватили свои книги и ушли.

Гу Пиншен тоже был немного озадачен, и он спросил его: "Мне нужно участвовать?"

"Н-нет". Префект класса немедленно отключил свою огневую мощь.

С опущенной головой Тон Янь собрала свои книги. Краем глаза она увидела, как он прошел мимо своего стола, а затем вышел из класса.

Она пошла в библиотеку, чтобы позаниматься и не вернулась в свое общежитие, пока не стемнело.

Сегодня утром, когда она вышла из комнаты, занавески были закрыты, и теперь они все еще были такими, какими они были, когда она ушла. Она позвала "Цзинцзин", но никто не ответил в ответ. Чувствуя себя немного обеспокоенной, она сняла обувь и забралась на кровать Вэнь Цзинцзин, только чтобы узнать, что она все еще спит под одеялом .

Она протянула руку, чтобы коснуться лба Вэнь Цзинцзин. Раскаленный.

Когда она отдернула руку, она прижалась к подушке. Почему это было так мокро? Неужели она так сильно потеет?

Тон Янь погладила Вэнь Цзинцзин, помогоа ей переодеться и убрала ее с кровати.

Наконец, после тяжелой езды на велосипеде, она привезла Вэнь Цзинцзин в больницу университетского городка. Это была одна из назначенных больниц университета, и поскольку она не была в центре города, там было очень мало людей ночью.

Дежурный врач был очень молод, но очень внимателен, и в конце, когда для Вэнь Цзинцзин начали внутривенное лечение, этот врач даже специально подошел, чтобы проверить ее и задать несколько вопросов о ее состоянии. Когда Тон Янь наблюдала за ним, она внезапно подумала: если Учитель Гу не сменил бы карьеру,он был бы таким... не так ли?

Внутри палаты для внутривенного лечения была только пара мать и сын - сорокалетний сын со своей старой и слабой матерью.

Если бабушка внезапно заболела в Пекине, что ей делать?

Внезапно она почувствовала чувство беспокойства. Каждый раз такой тип неустроенного чувства возникал в ней, и она не могла избавиться от него.

"Янь Янь, спасибо".

Она отвлекла ее внимание. В ее руках была небольшая сумка с мандаринами, которые она купила у входа в больницу. Вытащив большой, она очистила его и вложила в руку Вэнь Цзинцзин. "У тебя была такая высокая температура. Почему ты не написала мне сообщение ?"

Вэнь Цзинцзин держала мандарин , и через некоторое время, наконец, сказала: "Янь Янь, Цзя Ле, расстался со мной".

Тон Янь с удивлением остановилась.

"Разве вы не были вместе шесть лет?"

Она вспомнила этого мальчика. Очень простой и непритязательный, и когда он улыбался, он выглядел немного застенчивым.

"В этом году он уже четвертый год учебы в университете и ищет работу. Он очень нервничает, и мы всегда ссоримся". Вэнь Цзинцзин сказала :" Вчера он снова поссорился со мной по телефону, а потом сказал, что у моей семьи не так много денег, и у меня все еще есть пара близнецов младших братьев школьников, ожидающих нас, чтобы обеспечили их ... "

Она не закончила, и Тон Янь не стала дальше расспрашивать. Тон Янь более или менее разделяла ситуацию в семье Цзинцзин. Подумав, что эта тема подошла к концу, она опустила голову и продолжила чистить мандарины.

"Я чувствую, что жизнь особенно несправедлива», - неожиданно заговорила Вэнь Цзинцзин. "Мой английский плохой. Я, наконец, мне было разрешено чтобы сдать двойной основной со вторым основным экзаменом на японском, но я не смогла даже пройти мои среднесрочные. Но просто посмотри на Сяору. Она никогда не ходит на занятия, но все равно может получить стипендии первого класса. Яо Яо тоже. Во всем классе она единственная студентка литературы и искусства, но она справляется лучше всех со всеми академическими

курсами".

Тон Янь подняла голову, чтобы посмотреть на нее.

"И потом ты, Янь Янь. Каждый раз, когда я вижу, что ты ведущая или поешь, я так завидую". Цвет лица Вэнь Цзинцзин показывал бледность, которая приходит после того, как лихорадка стихнет. "Даже Учитель Гу так хорошо относится к тебе. Я всегда видела его в своем кабинете, просматривающего учебные материалы по физике, а потом позже узнала, что он обучает физике тебя."

"Янь Янь, откуда я родом, я была единственной, кто попал в топ-рейтинг университета. Но теперь мои старые одноклассники начинают приступать к магистерским программам за границей, а я все еще здесь изо всех сил пытаюсь пройти через мой курс. У меня есть двое младших братьев, которые скоро сдадут свои вступительные экзамены в колледж. Они на самом деле не очень зрелые или разумные, и их оценки действительно плохие ... Янь Янь, когда я думаю обо всем этом, мне кажется, что даже если я продолжу учебу, это ничего не изменит. Даже если я выдержу весь путь до конца, результат все равно будет таким же. Я еще должна вернуться туда откуда я приехала."

Комната для внутривенного лечения была очень тихой. Вэнь Цзинцзин не громко говорила, и ее тон не мог стать более плоским, чем он был.

Тон Янь разделила свой мандарин и съела кусочек. Из-за холодной погоды мандарин был холодным льдом во рту, когда его ели.Он был кислым и ледяным, и на самом деле его нельзя было считать вкусным.

Она ни разу не излила свое сердце, как Цзинцзин делала с кем-либо раньше, и не осмеливалась. Боль и печаль, которые накапливались с тех пор, как она закончила начальную школу, это чувство, что она полностью потеряла свое достоинство и самоуважение, и эта семья, которая заставляла ее сердце дрожать от боли, просто думая об этом, — как она могла говорить об этом?

"Родители моего бывшего бойфренда - оба учителя средней школы. Поскольку он был избалованным, он никогда не прилагал никаких усилий в школе и был крайне мятежен. Но он был особенно добр ко мне. Однажды зимой был день, когда мой желудок так сильно болел, что я даже не могла ходить. Не сказав ни слова, он выбежал и купил мне чашку с лапшой где-то в школе и заставил человека продать ему чашу, в которую положил лапшу. В тот день было действительно холодно, и именно так он шел с миской лапши в руках от передних ворот школы до двери моего класса. Я предполагаю, что он, вероятно, шел очень быстро, потому что суп разлился, и его руки были покрыты им. Но независимо от того, насколько хороши были наши отношения, мы все равно разошлись ".

Она вспомнила, что миска с лапшой стоила около шести юаней. В то время она думала, что это так дорого. Но позже, когда она снова поела ее, у нее не было такого же вкуса.

http://tl.rulate.ru/book/12100/235602